

О КРУГЕ ЧТЕНИЯ КРЕСТЬЯН-СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАУРАЛЬЯ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Осенью 1857 г. до челябинского уездного начальства начинают доходить слухи о том, что писарь Куртамышской волости Долговского сельского правления С.А.Брызгалов распространяет фальшивый указ Синода о непреследовании за раскол. Брызгалову содействует челябинский мещанин Г.Я.Хохлов, который, разъезжая по волости под предлогом проверки записных раскольников, ведет активную агитацию среди крестьян. Результатом этого стал массовый и открытый переход крестьян в староверие¹.

Челябинский земский исправник Несмелов, обеспокоенный таким положением дел, решил принять меры. Дабы не вызвать беспокойства и настороженности среди старообрядцев, он выехал в село Куртамыш и занялся там разбором дела, не имеющего никакого отношения к расколу, однако попутно стал собирать сведения по тому предмету, ради которого он, собственно, и приехал. Добившись таким образом того, что бдительность старообрядцев притупилась, и выждав удобный момент, Несмелов вечером 11 ноября 1857 г. приказал приставу 4-го стана Челябинского уезда И.Адорину взять с собой местного благочинного, волостного голову, писаря и несколько человек понятых и отправиться с ними якобы в деревню Растотурскую, но потом повернуть в совершенно противоположную сторону, к деревне Жуковой, где, как стало известно Несмелову, может находиться экземпляр фальшивого указа. Сам Несмелов, чтобы не вызвать подозрений, остался в Куртамыше.

Как и предполагалось, налет для старообрядцев деревни Жуковой оказался неожиданным. При обыске в доме крестьянина А.Печерских был найден список с подложного указа Синода от 28 августа 1856 г. за № 7768. Суть указа заключалась в предоставлении раскольникам следующих привилегий: 1) права свободного отправления богослужения в часовнях;

¹ РГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.2203. Л.22 об. - 23.

2) права иметь священников; 3) освобождения уклонившихся из православия от преследования со стороны светских и духовных властей².

Указы подобного рода не являлись в то время редкостью. Так, например, имел широкое распространение датируемый 1859 г. фальшивый указ управляющего Астраханской губернией³. Смутные слухи о грядущих реформах, о работе, ведущейся по пересмотру законодательства о старообрядцах, создавали благодатную почву для такого рода «законотворчества». Кроме того, суровая политика Николая I по отношению к старообрядцам привела к тому, что с именем его преемника стали связывать надежды на облегчение положения старообрядцев в России. Так, например, проживавший в деревне Мыркаевой Маслейской волости Челябинского уезда К.Козьмин говорил, что «Государь Император и Государыня Императрица сами молятся двуперстным сложением и им (старообрядцам.—П.М.) позволяют таким же образом молиться, а не шепотью, и что покойный Государь Император будто бы гнал их за двуперстное сложение и за то Бог перед смертью обратил лицо его на затылок»⁴. Крестьянин деревни Обаниной Челябинского уезда Л.Реутов предавался рассуждениям о том, что Александр II разрешил старообрядцам молиться как они хотят и не повиноваться духовным властям⁵.

Что же касается указа, обнаруженного в доме А.Печерских, то он был скопирован самим Андреем со списка, который привез гостивший в той же деревне Жуковой у крестьянина Р.Печерских екатеринбургский мещанин и старообрядческий монах Никифор (Мартемьян) Михайлович Буторин.

Адорин не ограничился обыском только в доме А. Печерских. Подобная же участь постигла еще ряд крестьян деревни Жуковой, а также крестьянина острога Каменного Ф.Крохалева. В ходе обыска было изъято более 50 различных старообрядческих вещей и книг, а в деревне Жуковой были, кроме того, обнаружены также подземные кельи и «особые, на задних дворах, секретные, с разными выходами избы, служившие, вероятно, часовнями...»⁶. Как потом выяснилось, в этих кельях укрывались монахини из разогнанных на Шаргаше скитов⁷.

События ночи с 11 на 12 ноября 1857 г. повлекли за собой специ-

² РГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.2200. Л.1–7.

³ Бухерт В.Г. Распространение подложных указов среди старообрядцев в первой половине XIX в. // АЕ за 1987 г. М., 1988. С. 200–204. Кроме указанных здесь списков см. также: РГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.2209. Л.48–50 об.; ОР РНБ. Ф.294. Папка 11. Д.7.

⁴ РГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.2209. Л.12 об.

⁵ Там же (с.2, примеч. 3). Д.2055. Л.46, 47 об.

⁶ РГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.2200. Л.4.

⁷ Там же. Л.574.

альное распоряжение Оренбургского гражданского губернатора, согласно которому следствие по делу о распространении раскола в Челябинском уезде поручалось чиновнику особых поручений Новикову. Следствие охватило Куртамышскую и ряд соседних с ней волостей. Было обыскано и допрошено более сотни крестьян, изымались старообрядческие книги и вещи. Помимо этого, следователями привлекались дела прошлых лет, повествующие о преступлениях по расколу⁸.

Благодаря оперативным действиям местной администрации в ходе следствия было изъято 22 крестьянских библиотеки, насчитывающих в общей сложности 133 книги⁹, т.е. было создано своего рода территориальное книжное собрание, отражающее состояние местной книжно-рукописной традиции на середину XIX в. «Собрание» это оказалось хорошо подобранным по конфессиональному и территориальному признакам: все крестьяне, у которых были изъяты книги, были старообрядцами часовенного согласия (кроме двух поморцев – жителей деревни Пески, у которых было отобрано четыре издания Московской единоверческой типографии) и проживали в селениях Куртамышской и соседних с ней Таловской и Каминской волостей Челябинского уезда.

Число подвергшихся обыску крестьян близко к сотне, однако книги были найдены только у 22. Это ни в коем случае не говорит о том, что у остальных крестьян книг не было. Большинство изъятий было проведено в самом начале следствия, когда оно было для старообрядцев полной неожиданностью. В дальнейшем кое-кто, по всей видимости, сумел скрыть книги. Не попали к властям и книги, относящиеся к общественному богослужению. Лишь в одной из трех обысканных часовен были найдены Псалтырь и Часовник. Книги в моленных домах, как правило, не хранились, а были распроданы по разным местам, поскольку так было легче сохранить их от всяких непредвиденных обстоятельств. Кроме того, очень часто все общественное богослужение заключалось в чтении Псалтыри¹⁰.

Среди обнаруженных книг рукописных было 96, печатных – 31, неизвестно, печатных или рукописных – 6. Среди печатных книг изданий

⁸ Материалы следствия, к сожалению не полные, см.: РГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.2200–2203.

⁹ РГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.2200; Мангилев П.И. К истории книжной культуры крестьянства Южного Зауралья (середина XIX в.) // Письменность и книгопечатание: Материалы науч. конф. к 1100-летию создания славянского алфавита, 200-летию книгопечатания в Сибири. Тюмень, 1989. С.50–53.

¹⁰ Поздеева И.В. Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения Верховьев Камы // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. (По материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.) М., 1982. С.47–48; РГАДА. Ф.1431. Оп.1. Д.2203.

Московского печатного двора (XVIII в.) было – 3; изданий старообрядческих типографий (XVIII – XIX вв.) – 15; книг, место издания которых неизвестно, – 13.

При составлении описей, как правило, раскрывалось содержание отдельных сборников, благодаря чему мы можем теперь с большей или меньшей точностью назвать свыше 150 сочинений или сборников сочинений, отмечая при этом, богослужебный или четий это сборник (Таблица).

Название сочинения	Кол-во	Название сочинения	Кол-во
Богослужебные книги		Четьи книги	
Псалтырь	13	Азбука	4
Псалтырь следования	1	Эсхатологические сочинения	8
Часослов	1	В том числе:	
Часовник	6	Слово Палладия Мниха о втором пришествии	1
Святцы	4	Слово Ефрема Сирина	1
Уставы	6	Апокалипсис	1
В том числе «Устав, как причащать самим себя»	4	Житие Варвары мученицы	2
Скитское покаяние	5	Сказание о мучении Кирика и Улиты	2
Чин пения 12 псалмов	2	Страсти Христовы	1
Заупокойные богослужебные тексты	11	Слово св.Климента, папы Римского (о 12 пятницах)	1
Служебные тексты, посвященные:		Сон Богородицы	2
Иисусу Христу	5	Сказание о лестовке	1
Богородице	10	Иконописный подлинник	1
В том числе		Скитский патерик	1
Богородице Одигитрии	4	Пролог (первая четверть)	1
Николаю Чудотворцу	6	Стихи духовные («Плач соловейских жителей» и Сборник духовных стихов)	1
Ангелу хранителю	6	Ответы Мартина в духовной консистории	1
Кресту	3		
Флору и Лавру	2		
Михаилу Архангелу	1		
Илье Пророку	1		
Софии Премудрости	1		
Кирику и Улите	1		
Канонник	3	Сборники	16
Прочие	11	Прочие	9
<i>Итого</i>	99	<i>Итого</i>	51
		<i>Всего</i>	150

Первым и достаточно обычным результатом произведенных нами подсчетов является вывод о преобладании в крестьянском круге чтения служебной литературы. Это отмечается почти всеми исследователями, занимавшимися изучением репертуара крестьянских библиотек¹¹. Однако дело, как правило, ограничивается простой констатацией этого факта, и в

¹¹ См., например : Поздеева И.В. Верещагинское территориальное книжное собрание... С.46–47 и др.

дальнейшем исследователи рассматривают лишь четыре книги¹². Между тем анализ и служебной части подобных библиотек не лишен интереса и позволяет сделать некоторые любопытные наблюдения, расширяющие наши представления о характере крестьянской книжности.

В анализируемых нами описях служебная литература составляет 2/3 общего количества книг. Условно служебные тексты можно разбить на две группы. В первую группу мы выделяем книги, относящиеся к общественному и домашнему богослужению. Описи почти не фиксируют книг, использовавшихся при общественном богослужении. О некоторых причинах этого уже говорилось выше. Здесь же следует добавить, что археографическое изучение района формирования Курганского собрания позволяет зафиксировать на этой территории четыре полных круга служебных миней месячных и несколько разрозненных минейных томов. При этом абсолютное их большинство – издания старообрядческих типографий конца XIX – начала XX вв. Таким образом, можно говорить о недостаточной обеспеченности старообрядческих общин служебной литературой¹³. В этой ситуации основой общественного богослужения часто становились Псалтырь и Часовник. Предназначенные для домашней молитвы, эти книги занимали значительное место в религиозной жизни представителей беспоповских согласий. Кроме того, Псалтырь и Часовник, наряду с Азбукой, являлись главными учебными книгами. Значительное место среди служебной литературы этой группы занимают заупокойные богослужебные тексты. Определенную специфику религиозной практики старообрядцев часовенного согласия отражают «Устав, как причащать самим себя», «Скитское покаяние», «Чин благословения жениха и невесты».

Другую, достаточно обширную группу служебных книг составляют тексты, посвященные Иисусу Христу, Богородице, Кресту, а также основным

¹² Мосин А. Г. Круг чтения крестьян, горожан и мастеровых Вятского края XVII – первой половины XIX в.: общие и специфические черты // *Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия*. Свердловск, 1986. С. 117–130; Покровский Н. Н. О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // *Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск, 1973. С. 19–40; Он же. Народная книжность на востоке России в XVIII в. // *Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии*: Тез. докл. и сообщ. XXII сессии Всесоюз. симпози. по изучению проблем аграрной истории. М., 1989. С. 144–146.

¹³ Заметим, что в начале XIX в. даже некоторые православные церкви были очень плохо обеспечены служебной литературой. Вот что писал благочинный священник Чесемов 25 августа 1801 г. Тобольскому архиепископу Варлааму: «... уездные церкви почти все находятся в самом бедственном положении как ризницею и украшениями в них, так в особенности недостатком богослужебных книг, от чего в некоторых церквах по одной общей минее, и то изветшавшей правят весь годовой круг, а инде и вовсе службу божию оставляют...» См.: Гурьев В. Исповедный штраф в Сибири в течение прошлого XVIII века // *Русский вестник*. 1882. Т. 157. С. 25–26. Что же остается говорить о старообрядцах?

святым крестьянского пантеона. Если мы обратимся к текстам бытовавших в народной среде заговоров, то увидим то же самое представительство святых¹⁴. Причем первенствующее положение здесь занимает Николай Чудотворец¹⁵. Этот святой, по народным представлениям, является крестьянским заступником в любом случае и по любому поводу. Если к Николе обращались в любой жизненной ситуации, то к другим святым – в зависимости от их «специализации»: Флор и Лавр покровительствовали лошадям, Кирик и Улита – курам и т.д.¹⁶ В заговорах традиционные молитвословные тексты часто переплетаются с народными магическими формулами. Например, один из приводимых А.Городцовым заговоров начинается со светильна Кресту¹⁷. Вообще Кресту, его охранительной силе, в заговорах (и, видимо, в народных магических представлениях) отводилась особая роль.

Таким образом, можно думать, что между заговорными и молитвословными текстами основной массой крестьян зачастую не делалось никакого различия. Каноны и молитвы порой использовались не по прямому назначению, отведенному им Церковью, а при освящении особо важных в крестьянском быту работ, в экстремальных жизненных ситуациях и т.д. По своему функциональному назначению сюда могут быть отнесены и апокрифические «Сон Богородицы» и «Слово св.Климента, папы Римского о двенадцати пятницах».

Нельзя не заметить, как изменяется состав этой группы служебных книг в собраниях крестьян с течением времени. Так, в наши дни на одно из первых по значимости мест выходят каноны Паисию и Уару, довольно редко встречающиеся в рукописях XVIII – XIX вв. Общеизвестно, что эти святые представляют перед Господом за скончавшихся без покаяния, и даже за умерших некрещеными (Уар). Теперь, когда случаи нехристианской кончины стали скорее правилом, нежели исключением, обращение к этим святым с ходатайством о судьбе родственников, умерших неподобающим христианину образом, стало актуально. Существенное изменение жизненного уклада привело к утрате или перемене функционального значения отдельных служебных текстов¹⁸.

¹⁴ *Городцов А.* Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1916. Вып. 26. С.42–50.

¹⁵ *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

¹⁶ *Островская Л.В.* Некоторые замечания о характере крестьянской религиозности (на материалах пореформенной Сибири) // Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в.: Классовая борьба, общественное сознание и культура. Новосибирск, 1975. С.185.

¹⁷ *Городцов А.* Праздники и обряды... С.42–50.

¹⁸ В данном случае речь идет лишь о том функциональном значении служебного текста, которое он приобретает в народном варианте православия, основной смысл службы, естественно, со временем не меняется.

Состав четвѣй части рассматриваемых описей книг также достаточно традиционен. Значительное место в крестьянском книжном репертуаре занимают эсхатологические сочинения и жития христианских мучеников, популярные не только среди старообрядцев, но и среди православных крестьян¹⁹.

Здесь отчетливо проявляется народная любовь ко всему яркому, образному, впечатляющему. Сюжет сочинения должен быть предельно конкретен, отработан до мельчайших, умиляющих душу деталей. Согласно этим требованиям и отбирается во многом круг святых, жития которых были наиболее распространены, наиболее популярны среди крестьян. Заметим, что человек западного средневековья любит и почитает в основном тех же самых святых, что и русский крестьянин XVIII – XIX вв., руководствуясь при этом теми же самыми критериями²⁰.

Конечно, количество книг, включенных в анализируемые нами описи, невелико. Круг чтения крестьян был значительно шире. Перечень сочинений, бытовавших в крестьянской среде, может быть многократно увеличен, однако от этого наши представления о читательских запросах крестьян, характере крестьянской книжности существенно не изменятся. Об этом свидетельствует имеющийся в нашем распоряжении значительный по объему материал, и не только по Уралу, но и по другим регионам России²¹.

На первый взгляд, наши наблюдения входят в известное противоречие с выводом о том, что традиционная часть крестьянского круга чтения имеет «три слоя: 1) книги священного писания и предания, раннехристианская и византийская святоотеческая литература... 2) произведения украинско-белорусских полемистов конца XVI – начала XVIII в. 3) ... писания русских старообрядцев»²². Однако это не совсем так. Предложенная Н.Н.Покровским классификация достаточно верно характеризует структуру традиционной старообрядческой книжности. И если мы обратимся к анализу сборников²³, встречающихся в Курганском собрании, сформированном в

¹⁹ Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

²⁰ Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1988. С.163–220.

²¹ РГАДА. Ф.1183. Оп.2. Д.47, 48, 49, 50, 53, 55, 59 и др.; ЦГИА. Ф.1284. Оп.196. Д.25; Мосин А.Г. Источники по истории книжной культуры жителей Вятской губернии (1840–1850) // Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск, 1989. С.103–121; Он же. Источники по истории книжной культуры жителей Вятской губернии (1851–1881) // Книга в культуре Урала. XVI–XIX вв. Свердловск, 1991. С.128–153.

²² Покровский Н.Н. Народная книжность... С.144–146. Он же. Книги Тарского бунта 1722 г. // Источники по истории русского общественного сознания эпохи феодализма: Археология и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1986. С.155–190.

²³ Напомним, что в рассматриваемых нами описях насчитывается 16 сборников.

результате археографических исследований как раз на той территории, на которой были изъяты попавшие в описи книги, то увидим, что состав сборников может быть вписан в схему Н.Н.Покровского. Ту же самую картину мы обнаружим, когда проанализируем состав библиотеки какого-либо крупного старообрядческого центра (например, Выговской пустыни или Иргизских монастырей)²⁴. Однако, если мы сравним описи этих библиотек с анализируемыми нами описями крестьянских книжных собраний, то различия будут значительными. Специфическая старообрядческая книжность – это лишь одна, хотя и очень существенная, сторона крестьянской книжности.

Как нам кажется, имеет смысл выделять две тенденции в развитии крестьянской книжности и как результат развития этих тенденций – два теснейшим образом связанных, взаимопроникающих блока сочинений крестьянского круга чтения. Это, во-первых, комплекс литературных произведений, традиционных не только для старообрядчества, но и для православного крестьянства. Сюда войдут различные жития святых, апокрифы, духовные стихи, немалая часть служебной литературы. Во-вторых, это внедряющийся в первый комплекс большой блок литературы – носительницы определенных идеологических установок, выраженных как через посредство оригинального публицистического творчества, так и путем целенаправленного отбора, осмысления и использования произведений предшествующей христианской традиции. Особенности этого процесса достаточно подробно охарактеризованы Н.Н.Покровским, И.В.Поздеевой и другими исследователями²⁵.

²⁴ Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины // Братское слово. 1888. Т.1. С.721–731; Починская И.В., Рязев А.Н. Библиотеки Иргизских старообрядческих монастырей (по материалам описи 1828 г.) // Книга в культуре Урала: XVI – первая половина XIX в. Свердловск, 1990. С.95–127.

²⁵ Покровский Н.Н. Народная книжность... С.144–146; Он же. Книги Тарского бунта... С.155–190; Поздеева И.В. Древнерусское наследие в системе традиционной книжной культуры старообрядчества (Первый период) // ИСССР. 1988. № 1. С.84–99; Она же. Верещагинское территориальное книжное собрание... С.44–71.